

— Вэй Мэн, сходи на кухню и прикажи приготовить ласточкино гнездо. Сам проследи, чтобы его приготовили, а затем принеси сюда. Не отходи ни на шаг. Отныне ласточкины гнезда не нужно отправлять в боковой двор. Каждый день после обеда ты будешь следить, чтобы их готовили и приносили сюда для укрепления здоровья молодого господина.

Перед тем как войти в комнату, Чу Юэси обернулся и дал указание Вэй Мэну. Тот кивнул и удалился, а Цинь Чжан с улыбкой схватил его за одежду.

— Зачем ты велишь готовить это для меня? Я же не женщина.

Чу Юэси с холодным лицом уложил его на кровать, осторожно развязал одежду и, увидев синяк с фиолетовым оттенком, в его глазах появилось еще больше гнева. Цинь Чжан украдкой взглянул на него, в сердце защемило, и он сдался, закрыв рот, чтобы не злить его еще больше.

Эта ласка выглядела довольно свирепо...

— Кто сказал, что ласточкины гнезда только для женщин? Это мягкое укрепляющее средство, не вызывает жара. Если ты будешь есть его каждый день, то быстрее восстановишь силы, разве нет?

Чу Юэси, сдерживая гнев, не стал ругать его, а налил немного лекарственного спирта и осторожно массировал синяк на руке Цинь Чжана. Тот дернулся, другой рукой прикрыл лицо.

Хоть и приятно чувствовать заботу жены, но не слишком ли это? Он же мужчина, если будет каждый день есть ласточкины гнезда, во что он превратится?

Цинь Чжан, несмотря на свои физические ограничения, был человеком, который когда-то сражался на поле боя, переносил все тяготы и лишения. Теперь, когда его лелеют и балуют, как драгоценность, в его сердце возникло сложное чувство, которое невозможно выразить парой слов.

— Юэси, я буду хорошо питаться, ласточкины гнезда...

Чу Юэси поднял веко и холодно посмотрел на него.

— Хуайчжан, что ты говорил мне в карете? Я что-то забыл. Повтори, пожалуйста.

Цинь Чжан: ...

Ладно, он понял. Он будет есть, будет!

Увидев, что он наконец успокоился, Чу Юэси тихо фыркнул и продолжил массировать руку

Цинь Чжана. Тот чувствовал, как легкий запах лекарственного спирта разносится вокруг, а руки Чу Юэси мягко надавливали на его руку. Вскоре кончики его ушей покраснели.

— Хватит, — тихо сказал он, отодвигая руку.

Если это продолжится, то он, сдерживавший себя девять лет, скоро не выдержит. Теперь они были неразлучны, и если Чу Юэси заметит что-то неладное, это будет крайне неловко.

На этот раз Чу Юэси не стал его мучить, увидев, что синяк на руке уже значительно уменьшился. Он вытер руки и наклонился, чтобы поднять Цинь Чжана.

Тот только что подавил странное чувство, охватившее его сердце, как вдруг почувствовал теплое дыхание рядом. В сердце снова защемило, и он внутренне застонал, схватив руку Чу Юэси.

— Юэси? — тихо позвал он, опустив глаза. На лице появилось легкое смущение.

Чу Юэси замер, увидев его выражение, и невольно рассмеялся.

— Ты только что упал, на тебе остался лекарственный спирт. Я хочу отвести тебя помыться. Мы столько времени вместе, а ты все еще боишься меня?

Цинь Чжан, услышав это, почувствовал себя еще хуже. Боится? Он действительно боится.

Если Чу Юэси будет помогать ему мыться, это только подольет масла в огонь. Но, как и сказал Чу Юэси, он не мог же не мыться вечно.

Увидев, что он молчит, опустив глаза, Чу Юэси рассмеялся, погладил его по голове и поднял на руки. Он отнес его в другую комнату, раздел, и Цинь Чжан все это время молчал, только его кулаки незаметно сжались.

Раньше он не замечал этого, но теперь, когда он влюбился в Чу Юэси, каждое приближение этого человека стало для него огромным испытанием. Он чувствовал, что скоро не выдержит.

И действительно, когда Чу Юэси начал мыть его тело, Цинь Чжан почувствовал, что вода в бочке становится все горячее, а волнение в сердце становилось все труднее сдерживать. Каждая секунда была мучительной. По щеке медленно скатилась капля, то ли пот, то ли пар.

Когда Чу Юэси начал мыть его ниже пояса, Цинь Чжан снова схватил его руку. С трудом проглотив, он произнес хриплым голосом:

— Юэси, уйди, я сам.

Чу Юэси замер, не понимая, почему лицо Цинь Чжана вдруг стало таким красным. Но на этот раз тот крепко держал его руку, не позволяя продолжать. Его отношение было иным, чем обычно.

— Ладно, тогда остальное сделай сам.

Чу Юэси не стал спорить. Он только собрался вытереть руки и сесть, как увидел, что Цинь Чжан снова опустил голову, пряча лицо за волосами.

— Можешь выйти на минутку...

Чу Юэси снова замер, затем глубоко вздохнул и, в конце концов, вышел один, закрыв за собой дверь, и задумчиво уставился на ночное небо.

Когда он ушел, Цинь Чжан глубоко вздохнул, посмотрел вниз и с болью прикрыл лицо, ударив кулаком по бочке, но сдержал силу, чтобы не привлечь внимания снаружи.

Всё, началось...

Когда звуки воды в комнате стихли, Чу Юэси услышал голос Цинь Чжана, который показался ему слегка хриплым.

— Я закончил.

Чу Юэси очнулся, быстро вошел в комнату и вытащил его из бочки, заметив, что вода уже остыла. Он торопливо вытер тело Цинь Чжана, завернул его в тонкое одеяло, боясь, что тот простудится, но не стал его ругать.

Когда все было сделано, Цинь Чжан лежал в постели, укрытый одеялом, и смотрел, как Чу Юэси убирает остальные вещи. Вдруг он тихо сказал:

— Юэси, я не избегаю тебя, я...

Чу Юэси удивленно обернулся и увидел, что Цинь Чжан укрылся одеялом почти полностью, оставив только плотно закрытые глаза. Длинные ресницы отбрасывали тень, мягкую и соблазнительную. Он прикрыл грудь рукой и тихо вздохнул.

Ох уж этот милый, любимый...

— Я знаю, что у Хуайчжана есть свои причины, не нужно мне это объяснять.

Чу Юэси подошел, погладил его по голове и, наконец, решился, ласково коснулся его лица, удовлетворенно улыбнувшись.

— Хуайчжан, просто будь собой, поступай, как хочешь, и впредь тоже. Не нужно мне ничего объяснять.

Чу Юэси присел, оказавшись на уровне лежащего Цинь Чжана. Тот открыл глаза. Его янтарные глаза, хоть и лишенные блеска, ясно видели яркую улыбку юноши перед ним. Сердце его согрелось, и он тоже улыбнулся.

Когда Цинь Чжан снова почувствовал волнение, он вдруг увидел, как Чу Юэси поднялся на кровать, и его руки снова коснулись его ног. Улыбка на его лице застыла. Он натянул одеяло на лицо и тихо ударил кулаком по кровати.

Опять массаж ног! Если эта ласка продолжит, он снова взбунтуется!

Только что пережив испытание ванной, теперь каждый день придется терпеть массаж ног!

Цинь Чжан внутренне застонал, продолжая терпеть эту сладкую муку. Покалывание в ногах становилось все сильнее, и он больше не мог сохранять спокойное выражение лица. В конце концов, закусив угол одеяла, чтобы не закричать.

Чу Юэси, увидев, что он так плотно укрылся, невольно рассмеялся, решив, что Цинь Чжан просто стесняется и не привык к такой близости. Но, массируя его ноги, он вдруг почувствовал, что и его лицо стало горячим.

<http://bllate.org/book/15290/1350935>